

А. Н. Веселовский

**Наблюдения над историей некоторых
романических сюжетов средневековой
литературы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Наблюдения над историей некоторых романических сюжетов средневековой литературы / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 48 с.

ISBN 978-5-518-06225-2

Журнал Министерства Народного Просвещения. Февраль. 1873. Четвертое десятилетие. Часть CLXV.

ISBN 978-5-518-06225-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1871 годъ.

Правительственныя распоряженія.

Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы . . . . . А. Н. Веселовскаго.

Очеркъ внутренней исторіи Пскова . . . . . А. Никитскаго.

Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права . . . . . К. Г. Стефановскаго.

Воспоминаніе о Василии Назаровичѣ Каравинѣ . . . . . Н. А. Лавровскаго.

О преподаваніи отечественнаго языка и словесности въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ въ Берлинѣ . . . . . А. Шаврова.

Современная летопись . . . . . (См. на 3-й стр. обѣртки).

НАБЛЮДЕНІЯ НАДЪ ИСТОРИЕЙ НѢКОТОРЫХЪ РОМАНТИЧЕСКИХЪ СЮЖЕТОВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нѣтъ ничего благодарнѣе для изслѣдователя, какъ широкія задачи, обнимающія не одно одиночное явленіе, а нѣсколько, или одно какое-нибудь явленіе, но во всемъ разнообразіи его историческихъ выраженій. Сколько труда онъ ни положитъ на собраніе матеріаловъ, на выясненіе частныхъ, работа всегда остается неполною, потому что нѣтъ возможности поручиться, чтобъ отъ вниманія его не ускользнула та или другая мелочь, иногда очень важная для его собственной теоріи, но иногда и такая, знакомство съ которою могло бы удержать его отъ несвоевременныхъ обобщеній.

Съ другой стороны, во всякой широкой задачѣ есть своя выгода, есть много привлекающаго, вызывающаго къ дальнѣйшему изслѣдованію. Какъ бы гипотезически она ни рѣшена была на первый разъ, она непременно затронетъ много побочныхъ вопросовъ, и иные, казавшіеся окончательно порѣшенными, представить въ новомъ свѣтѣ. Повѣрочная работа можетъ отправиться отъ этихъ вопросовъ и прійти къ своимъ частнымъ результатамъ; если эти результаты встрѣтятся съ тѣми, которые получились ранѣе путемъ дедукціи, они подтвердятъ ея состоятельность, и тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано такихъ частныхъ провѣрокъ.

Кругъ апокрифическихъ, спеціально-Соломоновыхъ сказаній, и исторія ихъ вліянія на повѣствовательную литературу Европы послужили мнѣ темою для особаго изслѣдованія ¹⁾, были моею „широкою“ задачей. То, что я предлагаю теперь, составляетъ часть моей повѣрочной работы надъ собственной книгой.

---

¹⁾ Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морельѣ и Мерлинѣ.

Разумѣется, я могу коснуться, на первый разъ, лишь немногихъ ея сторонъ. Для уясненія послѣдующаго припомню сущность главныхъ положеній, на которыхъ думаю остановиться. Я предположилъ большое участіе апокрифической литературы въ дѣлѣ распространенія у насъ восточныхъ сказочныхъ мотивовъ. Я разумѣю подъ апокрифомъ не только подложныя, тенденціозныя сочиненія, которыя назначены были выразить ученія какого-нибудь полухристіанскаго толка, но вмѣстѣ съ индексомъ папы Геласія и нашими индексами, — тѣ отреченныя книги, которыя, не заключая въ себѣ ничего определенно еретическаго, не смотря на это, наводили на народъ тьму нехристіанскаго суевѣрія: Физиологи, Phylacteria и т. п. Этимъ вліяніемъ на массу я объясняю себѣ апокрифическіе книжные слѣды въ такихъ произведеніяхъ народнаго слова, въ которыхъ до сихъ поръ мы были приучены видѣть произведенія народной фантазіи. Обнародовъвъ и освоившись на новой почвѣ, отреченныя повѣсти становились далѣе сюжетами для литературы: раскрывъ отношенія Мерлина къ Соломону апокрифическихъ сказаній, я имѣлъ въ виду еще крѣпче привязать романы Круглаго Стола къ ихъ книжнымъ, нелитературнымъ источникамъ. Италіанская новелла XIII вѣка, которую я привожу далѣе, прольетъ на эти отношенія новый свѣтъ, а небольшая поэма Пуччи „La reina d'Oriente“, источникъ которой я самъ не былъ въ состояніи опредѣлить лѣтъ восемь тому назадъ¹⁾, представитъ другой любопытный примѣръ литературной обработки апокрифическихъ сказаній изъ Соломоновскаго круга. На отношенія другихъ частей предлагаемаго изслѣдованія къ вопросамъ, затронутымъ въ моей книгѣ, удобнѣе будетъ указать на своемъ мѣстѣ.

I.

Діалоги Сидраха и Бокка.

Извѣстно, что въ Соломоновской легендѣ большую роль играетъ діалогъ, то поучительный и серьезный, то комическій и распущенный, смотря по тому, на сколько онъ сохранилъ стиль стараго апокрифа, или на оборотъ, удался отъ него, ощутивъ на себѣ всѣ послѣдствія народной переработки. Это дало мнѣ поводъ (стр. 252—253 моей книги) сблизить эту часть Соломоновской статьи съ тѣми многочисленными діалогами поучительнаго характера, которые давали пищу сред-

¹⁾ Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci, гл. 1-я.

невѣковой любознательности и матеріалъ такимъ, съ виду народнымъ произведеніемъ, какъ нашъ духовный стихъ о Глубинной книгѣ (стр. 168—169).

Однимъ изъ такихъ діалоговъ я думаю теперь заняться, тѣмъ болѣе, что съ указанной мною точки зрѣнія онъ еще не былъ рассмотрѣнъ. Я разумѣю діалоги *Сидраха* и *Бокха*, или какъ они иначе зовутся въ рукописяхъ „Источникъ всякаго знанія“. Въ своемъ описаніи рукописей Парижской бібліотеки П. Парисъ сказалъ о нихъ нѣсколько словъ, а Ле-Клеркъ ограничился тѣмъ же въ XXIII-мъ томѣ *Histoire littéraire de la France*; въ 1868 г. Бартоли (Bartoli) издалъ староиталианскій текстъ діалога, очевидно переводъ съ французскаго ¹⁾; второй томъ, имъ обѣщанный, еще не явился: онъ долженъ былъ заключать, между прочимъ, бібліографію рукописей и изданій. Передо мною лежитъ, въ рукописи XV вѣка Флорентинской національной бібліотеки, Венеціанская редакція тѣхъ же діалоговъ, также переведенная съ французскаго. Доказательство тому представляетъ самый текстъ, съ многочисленными слѣдами оригинала, который не всегда былъ понятенъ переводчику, почему иное слово онъ передѣлывалъ, какъ умѣлъ, на звукъ своего діалекта. Къ такимъ передѣлкамъ я не отношу, напримѣръ, такое слово, какъ *ortolà*, франц. *ostroier* (*Dio a odite la tua pregea e ortola ben, azo che tu posci* и такъ далѣе): это, можетъ-быть, специально Венеціанское выраженіе латинскаго *auctorare*, тогда какъ всѣ романскія видоизмѣненія того же глагола, собранныя Дицемъ (*Etym. Wb.* 3-е изд. I: *otriare*), заставляютъ предположить латинскую, не существующую форму: *auctoricare*. Но въ рукописи (сар. 387) находится разказъ о баснословныхъ птицахъ, съ замѣчаніемъ, что онѣ водятся въ Индіи „*anche in el male bethea*“, а это послѣднее несомнѣнно скопировано съ франц. *mer betee*, прованс. *mar betada*, *mare concretum, coagulatum*, нѣмец. *Lebermeer* (см. *Dies*, II, *beter*) ²⁾.

Итакъ, оригиналъ Венеціанскаго Сидраха былъ также француз-

¹⁾ *Il libro di Sidrach*, въ *Collezione di opere inedite o rare*. Bologna 1868 г. 1 ч.

²⁾ Пользуюсь случаемъ, чтобы присоединить лишній примѣръ къ собраннымъ (Жанкомъ) Саиъ (*Saggio sulla storia della lingua e dei dialetti d'Italia, parte I-a*, 1872, LXVIII—LXVIII) въ доказательство того, что итал. *baleno, balenare* не состоятъ въ связи съ греч. βάλεινον, какъ думаетъ Дицъ (*ib.* II: *baleno*), а съ предполагаемымъ латин. *dislucinare*. Въ Аредцо до сихъ поръ говорятъ *balecnare* вмѣсто *balenare*, въ Ломбардіи *loznà* и *lesnà*. Въ моемъ текстѣ гл. 130: *le fugore che se chiamano lesnade* (*lucinate*).

скій, хотя значительно разившійся отъ того, которымъ пользовался переводчикъ текста Бартоли. Иныя главы развиты болѣе у одного, другія—у другого; послѣдовательность изложенія одна и та же тамъ и здѣсь, но въ рукописи слѣдуетъ за главой 261 (=277 текста Бартоли) большая вставка (гл. 261—323), которой въ печатномъ текстѣ ничто не отвѣчаетъ. Послѣднему обстоятельству я, разумѣется, не придаю большого значенія и не берусь рѣшить, находилась ли эта вставка уже во французскомъ текстѣ, которымъ пользовался Венеціанскій переводчикъ, или она вмѣстѣ самимъ была почерпнута изъ какого-нибудь другого источника. Уже одна форма діалога, который можно себѣ представить продолжающимся до безконечности, объясняетъ такіа самовольныя приращенія. Стоило только въ любомъ мѣстѣ прервать разговоръ и послѣ любого отвѣта Сидраха вставить новый вопросъ царя, или даже цѣлый рядъ вопросовъ съ соответствующими толкованіями. Что въ текстахъ подобнаго рода такіа приращенія были дѣломъ обыкновеннымъ, доказывается уже однимъ сравненіемъ изданія Бартоли, гдѣ всѣхъ главъ (то-есть, вопросовъ и отвѣтовъ) 557, съ французскою передѣлкой, напечатанною въ 1531 г. (Paris par maistre Pierre Vidove): „Mil quatre vingtz et quatre demandes, avec les solutions et responses à tous propoz, oeuvre curieux et moult recreatif, selon le saige Sidrach“. Наконецъ, самый составъ памятника, какъ онъ сохранился въ рукописяхъ, легко объяснить намъ его исторію. Рамка была дана въ разговорахъ между царемъ и мудрецомъ, и постепенно разрасталась до цѣлой энциклопедіи всего, что подобало знать средневѣковому человѣку: царь начинаетъ толковать о планетахъ и ихъ вліяніи, и въ книгу вставлялся въ разговорной формѣ полный звѣздочетецъ. Затѣмъ слѣдовали лапидарій, наконецъ травникъ. Что все это вставки позднія, я убѣждаюсь изъ того обстоятельства, что онѣ помѣстились въ концѣ діалога, хотя еще внутри той сказочной рамки, которая даетъ ему характеръ цѣлаго. Первая часть текста также не избѣжала интерполяции, хотя вообще, вмѣстѣ съ рамкой діалога, она представляетъ намъ еще первичную форму произведенія. Разумѣется, только приблизительно. Возстановить ее критически возможно лишь въ томъ случаѣ, когда взяты будутъ во вниманіе всѣ существующія рукописныя редакціи, преимущественно французскія и провансальскія, какъ самыя древнія, которыми руководились и италіанскіе переводчики, а равно англійскій и фламандскій. Но и подобная критическая работа приведетъ насъ лишь къ установленію древнѣйшаго французскаго

текста, но не древнѣйшаго вообще. На какомъ языкѣ былъ написанъ первоначально діалогъ? Латинскихъ редакцій мы не знаемъ. Кто былъ его авторомъ? Бартоли предполагаетъ его Французомъ, на томъ основаніи, что Франки являются въ діалогѣ самымъ сильнымъ и славнымъ въ мірѣ народомъ. Ле-Клеркъ склоненъ признать въ сочинителѣ Еврея, и какъ увидимъ, не безъ нѣкотораго основанія. Кто бы онъ ни былъ, сочиненіе, въ своемъ настоящемъ видѣ, могло быть написано не ранѣе второй половины XIII вѣка: въ немъ упоминается Фридрихъ II и нищенствующіе ордена, и есть намеки на четвертый крестовый походъ. Къ этимъ хронологическимъ указаніямъ я могу присоединить еще слѣдующее изъ пролога Венеціанской рукописи: „Здѣсь кончаются рубрики этой книги, написанные въ Толедо въ лѣто отъ воплощенія Господа нашего Іисуса Христа 1242“ (Qui finisce li argumenti de questo libro chi fuo facti in Toleta in l'anno de la incarnatione del nostro Signore Jhu Xpo MCCXLII anni facto per più magistri e clerici и т. д.).

Разумѣется, ни этимъ указаніямъ, ни другимъ фантастическимъ фактамъ, сообщаемымъ въ прологѣ, вѣрить сплошь нельзя. Кто не знаетъ, что сказатели французскихъ былевыхъ нѣсенъ (*chansons de Geste*) любятъ опираться на какую-нибудь старую латинскую рукопись, которую до нихъ никто будто бы не видѣлъ, или на хроники Сенъ-Дена. Чѣмъ не увѣреннѣе они въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ опредѣленнѣе они высказываются: припоминаютъ мелочи и самыя не значущія обстоятельства, при которыхъ найдена была рукопись, такъ что читателю остается только убѣдиться, что все это они въ самомъ дѣлѣ видѣли, слышали или вычитали. Къ разряду такихъ общихъ мѣстъ средневѣковой романтики относится и историческій прологъ; помѣщаемый въ началѣ разговоровъ Сидраха. Я говорю о его общемъ составѣ; но иные изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ слишкомъ вѣроятны, такъ что ихъ нельзя сразу заподозрить заурядъ съ другими.

Вотъ вкратцѣ содержаніе пролога. *Сидрахъ* (Сирахъ)—потомокъ (или сынъ) Яфета, мудрецъ полный всякаго знанія, какое было отъ начала міра до его времени. Ему извѣстны были девять сонмовъ ангельскихъ, планеты и звѣзды и все, что есть на землѣ и въ мірѣ. Но ему также открыто было будущее. Господь, по своей милости, показавъ ему образъ Пресвятой Троицы для того, чтобъ онъ могъ исповѣдать ее грядущимъ людямъ. Ему дѣйствительно удалось просвѣтить одного языческаго царя, по имени *Бокха* (*Boccus, Vostus, Vottus, Votozo, Votuso* и т. д.), предлагавшаго ему разные вопросы,

на которые Сидрахъ далъ ему мудрыя толкованія. Они такъ понравились царю, что онъ приказалъ собрать вопросы и отвѣты въ одну книгу—именно эту книгу. По смерти Бокха она пошла въ руки одного именитаго человѣка (изъ Халдеи, прибавляетъ моя рукопись), который хотѣлъ было сжечь ее по наущенію дьявола; но Господь этого не допустилъ. Затѣмъ владѣлъ ею царь Мадіамъ (Madiam, Madiano, Mandriano), потомъ Наманъ (Naman, Maman, Magna), главный между рыцарями сирійскихъ царей. Послѣ того книга долгое время не могла быть найдена; но Господь не хотѣлъ, чтобъ она потерялась, и по пришествіи Спасителя, она объявилась у одного Гречина (gchison, попо gresco), по имени Aio Basileo ("Αἰὸς βασιλεὺς ¹⁾), архиепископа Себасти, что прежде называлась Самаріей ²⁾. Этотъ архиепископъ послалъ своего клирика Димитрія въ Испанію проповѣдывать Христову вѣру, и съ нимъ книгу Сидраха. По смерти Димитрія въ Толедо, книга осталась тамъ и была забыта, пока въ Толедо не водворилась церковь, и вопросы Сидраха были переведены съ греческаго языка на латинскій. Испанскій король пожелалъ имѣть этотъ переводъ, съ котораго по просьбѣ Тунисскаго короля былъ сдѣланъ новый переводъ на арабскій языкъ ³⁾. Узналъ о существованіи этого сокровища императоръ Фридрихъ II, и послалъ въ Тунисъ францисканца Руджьеро, изъ Палермо, который вторично перевелъ для него книгу Сидраха съ арабскаго на латинскій языкъ. Исторія ея на этомъ еще не кончена. Теодоръ философъ, родомъ изъ Антиохіи, пребывавъ въ то время при дворѣ, выпросилъ себѣ книгу у одного императорскаго служителя, и переписавъ ее тайкомъ, послалъ ее въ даръ Антиохійскому патриарху Уберту; съ этого экземпляра переписалъ ее патриаршій клирикъ, Giovanni Pietro di Leone (или Lione), и увезъ рукопись въ Толедо. Такъ она очутилась тамъ во второй разъ, и много переводовъ было съ нея сдѣлано, одинъ переводъ съ другого.

¹⁾ Я возстановляю, на сколько можно, первоначальную форму собственныхъ именъ, пользуясь, кромѣ моей рукописи, вариантами текста Бартоли, который, по непонятнымъ для меня причинамъ, принялъ въ текстъ самыя искаженныя формы: *Mandriano* вм. *Madiam*, *Marna* вм. *Naman*, *Fabastora* вм. *Sabaste*, *Jovasil* вм. *Ayo basileo* и даже *Codici Pisolatico* вм. *Todia filosofol*. Въ латинской рукописи *C* часто смѣшивается съ *T*, а *ci*, написанное связно, легко принять за *a*. *Codici-Todia*, франц. *Todre*, то есть, вѣроятно *Théodogre*. См. статью *Steinschneider*, *Il libro di Sidrach*, въ *Buonapotti*, Luglio 1872, стр. 244 прим. 3.

²⁾ Самарія названа была Себастой въ честь императора Августа.

³⁾ *Saracinesco*, *saracinois*. Бартоли нашелъ въ одной рукописи *francesco* и вставилъ его въ текстъ.

Что будетъ далѣе съ книгой, мы не знаемъ, заключаетъ прологъ,— но мы просимъ Создателя, чтобъ она попадала въ руки людей способныхъ уразумѣть ее во спасеніе души и тѣла.

Я уже сказалъ, что всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ нельзя придавать одинаковое значеніе. Подозрительною является обстоятельство и точность, съ которою разказываются факты, кажущіеся намъ мелочными; въ запутанныхъ блужданіяхъ книги, съ востока на западъ, и потомъ снова на востокъ, есть доля вымысла, и видно желаніе автора покрасоваться тайной, усложнить приключенія. Тѣмъ не менѣе, если удалить фантастическій элементъ, въ разказѣ останется много исторически вѣроятнаго, если не достовѣрнаго.

Такою представляется мнѣ, напримѣръ, исторія текста, въ началѣ очевидно еврейскаго или сирійскаго, переведеннаго потомъ на греческій языкъ, съ греческаго на латинскій, потомъ на арабскій и снова на латинскій и т. д. Подобная послѣдовательность, или лучше сказать, непослѣдовательность переводовъ могла на самомъ дѣлѣ имѣть мѣсто: стоитъ только вспомнить, что при такихъ именно случайныхъ условіяхъ совершилось переселеніе въ Европу и другихъ восточныхъ памятниковъ, напримѣръ Панчатантры. Что апокрифическія статьи, въ родѣ разбираемой нами, часто приходили къ намъ съ востока, и что Евреи были одними изъ главныхъ посредниковъ между восточною и западною фантазіей—въ этомъ трудно сомнѣваться; что по желанію Фридриха II предпринято было много переводовъ съ арабскаго и греческаго—это фактъ засвидѣтельствованный. Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ его въ этомъ дѣлѣ былъ извѣстный Михайлъ Скоттъ, родомъ изъ Англіи, учившійся въ Оксфордѣ, Парижѣ, и подъ конецъ, въ Толедо, центрѣ тогдашней арабско-еврейской образованности. Я не думаю сблизать съ послѣднимъ обстоятельствомъ двойное уоми-наніе Толедо въ исторіи книги Сидраха; но сношенія Фридриха II съ Тунисскимъ царемъ, о которыхъ разказывается тамъ же, дѣйствительно напоминаютъ ученые разговоры императора съ султаномъ Малекъ-Камелемъ и калифомъ Рашидомъ, черезъ посредство котораго онъ переслалъ рядъ вопросовъ извѣстному арабскому философу Ибн-Сабину, жившему тогда въ Сеутѣ и потомъ въ Тунисѣ¹⁾. Наконецъ, нѣкоторыя изъ именъ, названныхъ въ прологѣ, хотя изуро-

¹⁾ См. *Amari*, Questions philosophiques adressées aux savants musulmans par l'empereur Frédéric II, въ *Journ. asiatique* 1853 (5-e série, t. I) pp. 240 — 274; *Huillard-Bréholles*, Historia diplomatica Frederici II t. I, Préface et introduction, pp. DXXVII — DXXIX. *Steinschneider*, ib. стр. 244, прим. 1.

дованныя переписчиками, могутъ быть безъ труда приурочены къ историческимъ лицамъ. Такъ, Антиохійскій патріархъ *Uberto* или *Obert* (во французскомъ текстѣ)—несомнѣнно Альбертъ, антиохійскій патріархъ, бывший нѣсколько разъ посредникомъ между папой и Фридрихомъ II, отъ партіи котораго онъ отсталъ лишь послѣ Ліонскаго собора¹⁾. Прологъ разказываетъ, что книга Сидраха была доставлена Альберту нѣкимъ философомъ *Todre, Todia*, то-есть, *Theodore, Θεοδωρομъ*, жившимъ при императорскомъ дворѣ. Сказано, что онъ посылаетъ книгу Антиохійскому патріарху, почему, по естественному смѣшенію, и его самого сдѣлали родомъ изъ Антиохіи²⁾. Θεοδωρъ опять историческое лицо: въ актахъ онъ зовется „философомъ“ императора. Это былъ математикъ и астрологъ, человѣкъ разнообразныхъ знаній, ведшій корреспонденцію Фридриха съ властителями Каира, Туниса и Марокко и готовившій сиропы и фіалковый сахаръ (*zacaum violassum*) къ императорскому столу³⁾.

Какъ видно, самое появленіе книги Сидраха въ европейской литературѣ обставлено мѣстными и личными отношеніями весьма опредѣленнаго характера. Если содержаніе отвѣчаетъ обѣщаніямъ пролога, то ея источниковъ, если не автора, придется искать въ преданіяхъ арабско-еврейскаго востока, который такъ сильно вліялъ на цивилизацію швабскаго періода въ Италіи.

Познакомимся съ содержаніемъ діалоговъ. Они слѣдуютъ за прологомъ и вставлены въ рамку дѣйствія, долженствующую объяснить, по какому поводу произошли мудрые разговоры Сидраха съ царемъ.

Былъ на востоцѣ царь, по имени *Вокхъ*, господствовавшій надъ обширною областью между Индіей и Персіей—*Бактрианой* (*Botirana, Vostoriensa, Vostoriens, Botenez*. Последняя— у Бартоли). Онъ задумалъ построить на границѣ своей земли и Индіи городъ, въ зациту отъ непріязненнаго ему царя *Гагабо* (*Guagahabo, Guagahar*), владѣвшаго большею частью Индіи. Начали строить башню; но на утро нашли разрушеннымъ все сдѣланное за день. Такъ продолжалось семь мѣсяцевъ. По совѣту своихъ мудрецовъ, царь собираетъ со всей своей земли гадателей и звѣздочетцевъ и проситъ ихъ помочь ему своимъ знаніемъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, которые они

¹⁾ *Huillard Bréholles*, ib. DXXIX — DXXX.

²⁾ *Steinschneider*, l. c., 244 прим. 4, задаетъ по этому поводу вопросъ: не предположить ли какой-нибудь европейской Антиохіи?

³⁾ *Huil. Bréh.*, ib. DXXIX — XXI.